

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

ЗАВЯЗОЧКИ

Повесть

1

Упал срок, заранее никому неведомый, и отец умер.

Сыновья — сами давно мужики, обоим за сорок — сбили гроб, сладили крест, сварили из арматурных прутков оградку, и родитель лег в землю не хуже других. Не рядом, правда, с женой и матерью его сыновей — подзахоронение не разрешили: и площадь, мол, могильного участка мала, и в мемориальной зоне участок, — но на том же кладбище.

Мать братья не помнили — она умерла, разрешившись младшим, а старшему тогда едва год исполнился. Поэтому, казалось младшему, отец любил его меньше брата. Как-никак, а мамы не стало из-за него, по его вине. О чем и заплакал старшему, когда за поминальным столом после похорон остались одни.

— Дурак, — трезво ответил на это старший, — мать умерла вовсе не из-за тебя, а из-за слабого сердца. А отец больше любил тебя — младших всегда больше любят, а еще ты на мать похож, а отец был от матери без ума, почему после и не женился...

— Как же, любил! — плакался младший. — Ты всегда в новом, а я твою одежду-обувку всегда донашивал...

— Так ты младший, вот и донашивал, а чтоб и тебе новое покупать — отец столько не зарабатывал, — отверг и эту претензию старший. — Так во всех семьях, даже, читал, миллионерских, чтоб наследники научились ценить копейку. А еще, если говорить о любви отца к тебе, он кого выучил — тебя или меня?

— Так ты сам в институт не захотел! — возмутился младший брат, перестав плакать.

— Ну, — вроде бы согласился старший. — Только кто меня спрашивал? Не спрашивали... А отец мог и силой в институт загнать... Хотя, конечно, сейчас столярное дело лучше учительского кормит, подкалымить всегда можно. Вот и материал бесплатно на гроб с крестом и оградкой дали, и машину комбинат выделил, а твоя школа и рублем не посодействовала... Вам на сколько месяцев зарплату задерживают в школе?

— Полгода уже не выдают, бастовать собираемся.

— Ну, а мы не собираемся, хотя год скоро, как к кассе не подходили. Выходит, — сделал неожиданный вывод старший, — образованным быть лучше.

— Но ты же сам только что говорил: подкалымить можно всегда! — опять полез в бутылку младший, пропустив мимо ушей шаткий вывод брата или не найдя нужным его опровергать по причине полного абсурда. — Твои слова?

— Ну, — старший задумался, налил из графинчика по стопке. И сказал, прежде чем выпить: — Ты тоже... это... репетиторствуешь. Разве не калым это, ну, репетиторство?

— Калым, — согласился младший. — Только ты не знаешь, каких идиотов приходится уму-разуму учить, чтоб без куска хлеба не остаться.

— Почему не знаю? — хмыкнул старший. — Знаю. Сам из них вышел, вот и столярничаю, а не уму-разуму учу.

— Ладно тебе ерничать, — взял стопку и младший. — За отца, — выпил.

И вовремя. Жена старшего из кухни, где посуду с сестрой мыла, налетела, графинчик, бутылки недопитые, со стола похватав, убрала.

— Еще девять дней отводить, и сорок, и полгода — не успеешь оглянуться — подспеют, а вы распивочную устраиваете!

Братья переглянулись, недовольные, но перечить не посмели. И по своим квартирам не разошлись — остались ночевать в отцовом доме, в двух его комнатах, где провели и детство, и отрочество, и юность, и что там еще дальше... покуда не переженились и не зажили отдельно. Старший уже в дедах ходил, а дочка младшего училась в МГУ. Давно, еще со школы, потому что после восьмого класса ее забрали в интернат при университете как юное математическое дарование. Младший

школьником тоже побеждал в математических олимпиадах, но столица его не заметила, и высшее образование пришлось получать в провинции. «Видимо, в олимпиадах не того уровня участвовал», — горевал он про себя, а вслух гордился успехами дочери. А как студенческий билет она получила, стал за нее бояться. «Сделает ей кто-нибудь брюхо...» — со страхом откровенничал он иногда с братом старшим, на что тот рассудительно отвечал: «Зато в столице учится... А сделают — выныянчишь. Лишних детей не бывает, особенно от родных дочерей...»

Старший знал, что говорил. В деда возвела его единственная дочка, в Москве не обучавшаяся, а кто внуку отец — он и знать не хотел. Должно быть, кто-то из однокурсников по местному провинциальному институту связи, а может, и кто из преподавателей. «Все они там связисты!» — со значением говорил старший, нисколько, кажется, не жалея, что дочери пришлось оставить высшее учебное заведение на предпоследнем курсе. «Денег вон сколько сэкономили!» — даже вроде бы радовался он, никогда не замеченный младшим в жадности, — дочка его училась на коммерческом факультете, за деньги. «Вот ее образование!» — еще добавлял иногда он, выставляя перед собой внука, едва научившегося стоять. Дочка его работала теперь вместе с ним — учетчицей в столярном цехе деревообрабатывающего комбината, а что на похороны не явилась — на карантин из-за какой-то инфекции ясли закрыли, оставить сына не на кого было. Когда же младший принимался ныть насчет своей дочери, которую могут соблазнить и бросить забеременевшей, старший успокаивал его еще так: «Зато фамилия нашенская останется, род продолжится...»

Теперь род братьев сделался на человека меньше. Это было особенно зримо за поминальным столом с пустым стулом в его торце напротив окна — всегдашнее отцово место. Да чтобы при нем в его доме хозяйничали и распоряжались, умыкая спиртное, снохи...

Братья разошлись с женами по комнатам, а утром, чем удивили свои половины, и опохмелиться не попросили.

— Что это с вами? — спросили жены в голос.